

ŠIAULIŲ UNIVERSITETAS
HUMANITARINIS FAKULTETAS
ANGLŲ KALBOS KATEDRA

Dana Čikun

RUSIŠKŲ BEASMENIŲ KONSTRUKCIJŲ PERTEIKIMAS
LIETUVIŠKUOSE VERTIMUOSE
(REMIANTIS POETINIAIS TEKSTAIS)

MAGISTRO DARBAS

Darbo vadovė: doc. N. Merkienė

Šiauliai, 2007

**ШЯУЛЯЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛТЕТ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Дана Чикун

**ПЕРЕДАЧА РУССКИХ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В
ПЕРЕВОДАХ НА ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)**

МАГИСТЕРСКАЯ РАБОТА

Руководитель работы: доц. Н. Мяркене

Шяуляй, 2007

ŠIAULIAI UNIVERSITY
FACULTY OF HUMANITIES
DEPARTAMENT OF ENGLISH PHILOLOGY

Dana Čikun

RENDERING OF RUSSIAN IMPERSONAL CONSTRUCTION
INTO LITHUANIAN IN POETRY

MASTER THESIS

Research advisor: doc. N. Merkienė

Šiauliai, 2007

Содержание

Введение	4
1. Особенности перевода поэтического текста	6
2. Безличные конструкции в русском и литовском языках	9
2.1. Семантика безличных предложений	10
2.2. Средства выражения главного члена безличных конструкций	15
3. Переводческая эквивалентность	19
3.1. Полные эквиваленты	24
3.2. Частичные эквиваленты	28
4. Трансформации	32
4.1. Замена	34
4.2. Перестановка	38
4.3. Пропуск	41
4.4. Добавление	43
4.5. Лексические трансформации	45
4.5.1. Антонимический перевод	46
4.5.1. Генерализация	48
5. Заключение	50
Reziumė	52
Библиография	53

Введение

Перевод является повседневной деятельностью человека, так как необходимость и потребность быстрого обмена и пользования информацией во всех сферах жизни принуждают пользоваться источниками на разных языках. «При поиске способов преодоления языкового барьера приходится выбирать перевод, который уже несколько тысячелетий разным народам помогает обмениваться информацией, ценностями культуры» (Armalytė, Pažūsis 1990:5).

«Перевод – отыскание в другом языке таких средств выражения, которые обеспечивали бы передачу на него не только разнообразной информации, содержащейся в данном речевом произведении, но и наиболее полное соответствие нового текста первоначальному также и по форме (внутренней и внешней), что необходимо в случае художественного текста» (Алимов 2005:15). Вопросы перевода неоднократно разбирались, однако поэтический текст является особым материалом переводов, так как «поэзия, в особенности лирическая, всегда представляла сложность для художественного перевода <...> в лирике особенно трудно определить эстетическое своеобразие произведения, реализуемое на базе сложного комплекса средств» (Кузнецов 2005:278). В данной работе описывается передача безличных конструкций русской поэзии на литовский язык.

Безличные конструкции исследовались как литовскими учеными (В. Лабутисом, А. Паулаускене, В. Сиртаутасом и Ч. Гряддой, И. Мустейкене), так и русскими (В. Бабайцевой, Н. Валгиной, В. Виноградовым, В. Ивановым, П. Лекантом), однако нами не обнаружены работы, в которых безличные конструкции русского языка анализировались бы в аспекте перевода на литовский язык.

Дефиниции безличных конструкций в русском и литовском языках совпадают. В русском синтаксисе «безличными называются односоставные предложения, главный член которых не допускает обозначения субъекта действия в форме именительного падежа и называет процесс или состояние независимо от активного деятеля» (Валгина 1991:172). В литовских научных трудах «предложения, предикативный центр которых составляют формы слов, формально показывающие отсутствие связи с грамматической категорией лица, являются безличными предложениями» (Лабутис 2002:128).

Объект исследования – безличные конструкции в поэтических текстах. **Материалом работы** являются переводы стихов А. Ахматовой, Й. Бродского, А. Блока и Б. Пастернака на литовский язык, выполненные А. Балтакисом, Т. Вянцловой, М. Зингерисом, Г. Патацкасом, Й. Дягутите, Й. Стрялкунасом, Й. Якштасом.

Цель работы – раскрыть особенности передачи значений безличных конструкций русского языка в переводах поэтических текстов на литовский язык.

Для достижения выдвинутой цели определяются следующие **задачи** исследования:

- собрать языковой материал;
- описать особенности перевода поэтического текста;
- выделить типы безличных конструкций в русском и литовском языках;
- выявить особенности передачи семантики безличных конструкций русских поэтических текстов на литовский язык.

Нами использованы следующие **методы** работы:

- анализ научной литературы позволяет предьявить теоретическую основу, на которой собирался материал для работы;
- сопоставительный анализ является необходимым для выявления сходств и различий безличных конструкций в переводах на литовский язык;
- статистический анализ дает возможность представить результаты работы в количественном виде.

Новым в данной работе является выявление особенностей передачи русских безличных конструкций в переводах на литовский язык (на материале поэтического текста), так как безличные конструкции представляют научный интерес в аспекте перевода.

Структура работы:

Работа состоит из Введения, основной части, в которую включены четыре раздела: в первом представляется особенности перевода поэтического текста, во втором анализируются типы безличных конструкций русского и литовского языков, в третьем и четвертом рассматриваются способы их перевода. Работу завершают заключение, резюме и список использованной литературы.

Практическая значимость выражается в том, что результаты данной работы могут быть использованы на семинарах и спецкурсах по теории и практике перевода, для преподавания иностранных языков. Актуальность работы заключается в том, что на материале поэтических текстов перевод русских безличных конструкций на литовский язык не исследовался.

1. Особенности перевода поэтического текста

«Поэтический перевод, несомненно, самая трудная сфера переводческой теории и особенно практики. Связано это с необходимостью перенести из исходного в целевой язык большее количество элементов поэтики и языка, чем при переводе прозаического или драматического произведения» (Слободник 1992:335). Переводы поэтических текстов чаще всего бывают или хуже или лучше оригинала. Для того, чтобы достичь адекватности при переводе поэтического текста, переводчику необходимо владеть хорошими знаниями языков. Переведенное поэтическое произведение должно воздействовать на читателя перевода с такой же силой как и оригинал. Согласно К. Амбразасу-Саснаве (1984:35), при переводе поэтического текста важно не только смысловое содержание, но и образная структура, поэтическая форма. Для воспроизведения особенностей поэтического текста, переводчику необходимо понять замысел автора, анализировать и интерпретировать текст.

Процесс перевода состоит из анализа текста оригинала и стилистической его интерпретации. Важно серьезно относиться к анализу текста оригинала, так как текст – это еще не вся реальность, с которой сталкивается переводчик, поскольку действительность познается им через переводимый текст. «И если автор оригинального текста в определенном смысле интерпретирует действительность, то переводчик уже «интерпретирует интерпретатора», то есть является как бы «дважды интерпретатором» (Балянский 2002:12). При переводе, для более точной интерпретации текста, необходимо его членить на части – единицы.

Согласно Л. Латышеву (1981:168), в процессе перевода переводчик делит исходный текст на определенные смысловые отрезки, которые он последовательно переводит на язык перевода. Таким образом текст перевода создается путем последовательного подбора эквивалентов для сравнительно небольших отрезков исходного текста и поэтапного объединения их во все более крупные текстовые единицы до тех пор, пока не будет создан текст перевода в целом. Единицы исходного текста, на уровне которых устанавливаются переводческие соответствия, называются единицами перевода. Членение исходного текста на единицы перевода является важным элементом переводческого процесса. Неудачное вычленение единиц перевода сказывается на его качестве. Для того, чтобы избежать неточностей и искажения смысла, необходимо предварительно изучить исходный текст как единое целое и выделить основные черты эквивалентности текста оригинала и текста перевода (с точки зрения содержания, стиля и т.д.).

Сопоставление текстов оригинала и перевода показывает, что соответствия в переводе устанавливаются на самых различных уровнях: морфем, слов, словосочетаний, предложений, групп предложений, текстов. Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода показывает, что при последовательном их делении на более мелкие единицы, соответствия возможны не во всех случаях, так как эквивалентность крупных частей текстов переводна и текстов оригинала не сводима к сумме эквивалентностей их более мелких частей, т.е. сумма эквивалентностей отдельных частей текста оригинала и текста перевода не обеспечивает их эквивалентности в целом. Однако эквивалентность более высокого уровня (текста) предъявляет свои требования к переводу мелких единиц (слов), т.е. целое влияет на часть.

По мнению К. Амбразаса-Саснавы (1978:24), **единица перевода** – часть оригинала, не имеющая постоянного размера. Ею может быть слово, словосочетание, предложение и весь текст. Единица перевода зависит от лексики, жанра, предназначенности произведения.

Жанр оригинала является одной из причин, определяющих размер единицы перевода. Ю. Сологуб (2005:45) считает, что минимальной единицей художественного перевода является слово, потому что сам процесс художественного перевода начинается с осознания переводчиком роли слов, включенных в текст оригинала. Несмотря на то, что сам процесс перевода не совершается пословно, для его успешного осуществления переводчик должен прекрасно владеть как семантикой слов текста иностранного языка, так и семантикой слов языка на который осуществляется перевод.

К. Амбразас-Саснава (1978:25), Л. Бархударов (1975:174) выделяют следующие уровни единиц перевода: перевод на уровне фонем, морфем, лексический перевод, перевод словосочетаний, синтаксический перевод и контекстуальный перевод. Последний и является максимальной единицей перевода не только поэзии, но и текстов других жанров, так как часто слова и предложения тесно связаны между собой и их перевод возможен только на уровне всего текста, потому важен синтез минимальной единицы – слова и максимальной единицы перевода – всего текста.

Для полноценного перевода поэтического текста важно значение и отдельных слов, и словосочетаний, так как они, входя в состав предложений, образуют единое смысловое целое – текст. Только при сочетании всех уровней (слов, словосочетаний, предложений, контекста) возможен адекватный перевод. «Иной раз даже перевод отдельно взятого слова зависит от всего взятого целого. Поэтому, прежде чем приступить к переводу, приходится

не один раз перечитывать от начала до конца оригинал и в процессе работы вновь возвращаться к уже переведенным частям, чтобы как можно лучше и точнее передать «голос» автора» (Рецкер 2004:29).

2. Безличные конструкции в русском и литовском языках

Безличные предложения имеют схожее определение в грамматиках русского и литовского языков. Например, в русской грамматике безличные предложения «означают такое действие (или процессуальное состояние), которое по своему своему характеру не может иметь конкретного производителя» (Русская грамматика 1982:345), а в грамматике литовского языка говорится, что «ядро безличного предложения составляет форма глагола (безличный глагол, личный глагол в безличном употреблении, инфинитив), одна или с зависимыми словами. Действие в безличных предложениях определяется как процесс, не зависящий от воли или усилий действующего лица» (*Dabartinės lietuvių kalbos gramatika* 2006:604).

Согласно типу грамматической формы, составляющей предикативный центр, В. Лабулис (2002:162) разделяет безличные предложения на простые, инфинитивные и номинативные. Й. Балькявичюс (1998:89) также относит инфинитивные предложения к типам безличных предложений. Однако В. Сиртаутас и Ч. Грэнда инфинитивные предложения выделяют как отдельную группу односоставных предложений и укаывают, что «данные предложения иногда относятся к безличным» (Sirtautas, Grenda 1988:26), а номинативные предложения разбирают как отдельный тип односоставных предложений.

Как замечают В. Бабайцева (1979:34), Н. Валгина (1987:144), И. Мустейкене (1995:136), определение места инфинитивных предложений в системе типов односоставного предложения носит дискуссионный характер. Инфинитивные предложения с безличными сближает их основная характеристика – отсутствие подлежащего и невозможность вставить его. «Инфинитивные предложения – категория двойственная: с одной стороны, они обладают сходством с безличными односоставными предложениями, с другой стороны, для них характерны специфические структурно-семантические черты. Этим объясняется отсутствие единства в их трактовке» (Мустейкене 1995:138).

В нашей работе инфинитивные предложения относятся к безличным конструкциям, так как они обладают главным признаком безличности – отсутствием подлежащего. Номинативные предложения не вошли в объект в нашего внимания, так как случаи выделения их в тип безличных предложений являются единичными.

2.1. Семантика безличных предложений

Согласно К. Феськову (2001), Л. Добрышевой (2000), семантико-стилистические возможности безличных предложений необыкновенно широки. По этой причине они особенно распространены в художественной литературе. Посредством безличных конструкций возможно описать такие состояния, которые характеризуются неосознанностью, немотивированностью (ср.: не сплю – осознанное; не спится мне – неосознанное). Кроме того, с их помощью можно придать действию особый оттенок легкости (ср.: мне легко говорить – мне говорится), и, наконец, безличные предложения незаменимы при необходимости выделить само действие и его результат (ср.: Град побил посевы – Градом побило посевы). Тонкие оттенки значения, передаваемые безличными конструкциями, способствуют их широкому распространению в разговорной речи и в языке художественной литературы. Художественные контексты практически не ограничивают писателя в образовании безличных предложений, лексические ограничения в выборе форм сказуемого здесь снимаются, и в безличном значении употребляются глаголы, обычно не имеющие его. Например: *Ревело с черной высоты и приносило снег (А. Блок). Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте. Прильнуло к дрожащему сердцу (А. Блок).*

Перевод осуществляется с одного языка на другой. Необходимо сопоставлять оригинал и перевод, так как при сопоставлении выделяются их соответствия и различия, на которые необходимо обращать внимание при переводе.

В **семантическом** отношении безличные предложения русского и литовского языков Н. Валгина, В. Виноградов, И. Мустейкене, В. Сиртаутас и Ч. Грядна делят на следующие основные типы:

1) состояние природы, окружающей среды, стихийные явления (атмосферно-метеорологические явления, связанные с погодой и ее переменной, явления, связанные с переменной времени суток или года):

Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
(Ахматова 1994:38)

Ima švist. Kaimyno kalvėje
Dūmeliu pakvipo štai.
(Achmatova 1994:39)

Смеркается, и в небе темно-синем,
Где так недавно храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток,

Subrėško, ir į tamsėlynį dangų,
Kame slaptinga prabanga žėruojant
Regėjom Jeruzalimo šventovę,
Virš medžių painiavos tekyla žvaigždės,

И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли.
(Ахматова 1994:110)

Ir jų tik dvi, ir gatvėse nesninga,
Bet, rodos sniego debesys aukštin
Plasnoja tingiai, švelniai ir aistringai.
(Achmatova 1994:111)

2) психическое или физическое состояние живого существа:

В том доме было очень страшно жить,
(Ахматова 1994:212)

Baisu gyventi buvo tam name,
(Achmatova 1994:213)

Красиво, правда?
Мне что-то душно. Ничего, пройдет.
(Бродский 2001:118)

Gražu, tiesa?
Kažko tvanku man. Nieko, tuoj praeis.
(Brodkij 2001:119)¹

Но жизнь – проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
(Блок 1980:158)

Gyvenimas – kaip kelias viešas,
Širdy negera ir koktu:
(Blokas 1980:191)

3) чувственные восприятия:

*Из раскрытых дверей
пахнет рыбой.*
(Бродский 2001:228)

*Pro pravertas duris
trenkia silkėm.*
(Brodkij 2001:229)

Сделалось чуть прохладней.
(Бродский 2001:268)

Pasidarė truputį vėšiau.
(Brodkij 2001:269)

*Разило парами йода,
И с улицы дуло в окно.*
(Пастернак 1989:210)

*Jam trenkė jodu tarp tų mūrų
Ir dvelkė nuo lango šalčiu.*
(Pasternakas 1989:211)

*Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.*
(Блок 1980:88)

*Nebegirdėt kautynių gausmo,
Neberegėt kovų liepsnos.*
(Blokas 1980:147)

¹ В литовском переводе фамилия репрезентируется по-разному: Brodkij – Brodkis (см. с. 43)

4) долженствование, необходимость и другие модальные оттенки (такой глагол чаще всего употребляется с инфинитивом):

У меня сегодня много дела:

Надо память до конца **убить**,

Надо, чтоб душа окаменела,

Надо снова **научиться жить**.

(Ахматова 1994:140)

Šiandien teks man smarkiai padirbėti:

Reikia *nebetekti* atminties,

Reikia, kad dvasia suakmenėtų,

Reikia *vėl gyvent ir atsitiest*.

(Achmatova 1994:141)

И хочется, уста

Слегка рассжав, произнести «не надо».

(Бродский 2001:132)

Ir noris man,

Šiek tiek dantis pražiojus, tart „nereikia“.

(Brodskij 2001:133)

Но суждено нам разлучиться,

И через дальние края

Твой дымый ирис будет сниться,

Как юность ранняя моя.

(Блок 1980:123)

Bet lemta mudviem atsiskirti,

Ir man pro tolumą sapne

Irisas dulksvas persmelks širdį

Tarsi jaunų dienų daina.

(Blokas 1980:173)

Гольцова Н. (2004), Захарова М. (2005), Н. Валгина (1987:345), кроме вышеперечисленных групп, выделяет следующие дополнительные семантические группы безличных предложений:

1) явления, приписываемые судьбе, или действия нереальной силы:

Не вечно мне везло.

2) действия неизвестной силы посредством какого-либо орудия:

И ветром наконец то дерево свалило.

В. Лабутис (2002:130) указывает, что безличные предложения в семантическом отношении могут обозначать:

1) наличие чего-то неопределенного:

Kaziii nebebuvo kas daro.

2) состояние, в которое субъект попадает случайно:

Metas buvo namo.

Особую группу в аспекте семантики составляют инфинитивные предложения. Согласно И. Мустейкене (1995:136), П. Леканту (1982:296), инфинитивными называются такие односоставные предложения, в которых нет и не может быть подлежащего, а сказуемое, выраженное независимым инфинитивом, обозначает возможное, невозможное, необходимое, неизбежное или желательное действие, приказ. «Форма главного члена – инфинитива не содержит и не может содержать указаний на лицо» (Лекант 1982:297). Как замечает В. Лабутис (2002:125), семантические и структурные особенности безличных инфинитивных предложений связаны с их функциональными типами.

Безличными инфинитивными предложениями, русского и литовского языков, выражаются:

1) возможность, невозможность:

*можно смириться с невзрачной дробью
остающейся жизни...*
(Бродский 2001:186)

*galima susitaikyti su nykiu barbenimu
to, kas beliko...*
(Brodskij 2001:187)

*Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен,
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.*
(Блок 1980:16)

*Miglos gyvosios neįiminti,
Kada ja apsigaubus tu.
Ir žemės ženkle nepažinti,
Nesutrikdyt sapnų baltų.*
(Blokas 1980:103)

2) необходимость, неизбежность:

Парой крыл намечал,
Где гудеть, где кончатся кошмару.
(Пастернак 1989:62)

Brėžė mostu sparnų,
Kur dundėti kur baigtis košmarui.
(Pasternakas 1989:63)

*И нет моей завидней доли –
В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой вьюгой умереть.*
(Блок 1980:16)

*O man puikus likimas duotas –
Sudegti užmaršties snieguos,
Numirt baltuos pakrantės plotuos,
Liūliuojamat skambios pūgos.*
(Blokas 1980:102)

3) желательность:

*А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!*
(Блок 1980:91)

*Įbristi į piktžolių tankmę,
Užmigt, užsimiršt kuo greičiau!*
(Blokas 1980:161)

4) команды, приказы, запреты:

Полно соснам скрывать синеву!
(Блок 1980:389)

*Листьям последним шушать!
Мыслям последним томиться!*
(Ахматова 1994:36)

5) безличные инфинитивные предложения констатируют какой-либо факт:

*Земле дышать ботвой картошки,
И стынуть больше невтерпеж.*
(Пастернак 1989:190)

*Alsuoti žemei bulvienojais
Ir stirti tapo per sunku.*
(Pasternakas 1989:191)

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
(Блок 1980:410)

Beliko paguoda man toji:
Žvelgt kiemo šulnin sutemoj.
(Blokas 1980:97)

*Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, –
О достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти!*
(Блок 1980:83)

*Svetimoms gėles po kojom kloti,
Svaigti laime, ilgesiu, aistra, –
Bet geriausia – dirvų eit vagoti,
Žengti rytmečio rasa skaidria!*
(Blokas 1980:24)

В семантическом отношении безличные инфинитивные конструкции русского и литовского языков имеют больше соответствий, чем различий, однако необходимо учитывать, что при переводе поэтического текста они могут передаваться другими средствами.

2.2. Средства выражения главного члена безличных конструкций

Главный член русских и литовский безличных конструкций выражается:

1) **безличным глаголом** *светает, морозит, вечереет, знобит, тошнит, нездоровится, спится, хочется, смеркается, моросит, дремлетя и др.* Безличные глаголы имеют форму, совпадающую с формой 3-его лица единственного числа настоящего времени, а в прошедшем времени – с формой среднего рода единственного числа (*светало, знобило, смеркалось и др.*). По значению эти глаголы таковы, что не допускают употребления при них имени существительного или местоимения в именительном падеже:

Светает. Белеет одежда

В рассеянном свете утра.

(Блок 1980:410)

Jau aušta. Ir rūbas baltuoja

Įsblyškusioj ryto blandoj.

(Blokas 1980:97)

Е.Коницкая замечает, «что значительный интерес представляет сопоставление языков, находящихся в разной степени родства, поскольку в силу различных причин (как собственно лингвистического, так и историко-культурного характера) далеко не всегда близкородственные языки более сходны между собой, чем те языки, которые связаны меньшей генетической близостью» (Коницкая 2004:71). Показательно в этом отношении сравнение явлений, регулярно представленных в сопоставляемых Е. Коницкой языках (литовском, словенском и русском) и не вызывающих существенных различий при их интерпретации в национальных грамматиках. К таким явлениям относятся безличные глаголы и личные глаголы в безличном употреблении, формирующие предикативный центр безличных предложений со значением атмосферно-метеорологических явлений. Группы безличных глаголов и личных глаголов в безличном употреблении со значением атмосферно-метеорологических явлений «в сопоставляемых языках не совпадают по объему и внутреннему членению, что обуславливают и различия в возможности продуцирования безличных предложений соответствующей семантики» (Коницкая 2004:72).

2) **личным глаголом в безличном значении.** Данные глаголы теряют формы изменения и застывают в форме 3-его лица единственного числа или в форме среднего рода прошедшего времени:

Жестче, чем лихорадка, оттряхнет,

И опять весь год ни гу-гу.

(Ахматова 1994:154)

Dar skaudžiau nei drugys nupurtys,

Ir visus metus nė mur mur.

(Achmatova 1994:155)

*В душевной кухне **плещется** водою,
Половицам **шатким** счет **ведет**,
С глянцевиной черной бородою
За окном чердачным промелькнет –*
(Ахматова 1994:114)

*Vandenį tvankioj virtuvėj **laisto**,
Grindlentėm **atgirkžda** iš tamsos,
Žvilganti juoda barzda neaiškiai
Už palėpės lango sušmėsuos –*
(Achmatova 1994:115)

3) безлично-предикативным словом (категорией состояния) с инфинитивом или без него. Некоторые из этих слов выступают в качестве главного члена только в сочетании с инфинитивом:

***Страшно** мне от звонких воплей
Голоса беды,*
(Ахматова 1994:40)

*Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.*
(Блок 1980:52)

***Тихо. Сладко.** Он не вспомнит,
Не запомнит, что теперь.*
(Блок 1980:28)

*В этом доме **было** очень **страшно** жить*
(Ахматова 1994:212)

В литовском языке главный член безличных конструкций выражается **средним родом прилагательных**. Согласно Грамматике литовского языка (1985:115), прилагательные в литовском языке имеют три рода: мужской (geras, žalias, gražus), женский (gera, žalia, graži) и средний (gera, žalia, gražu):

*Man **baisu**, dejonės trapios
Lyg **bėda** užgrius,*
(Achmatova 1994:41)

*Kur plynuos beribiuos plotuos
Gera lyg žaviam sapne.*
(Blokas 1980:24)

***Taip tyku. Saldu.** Jis laukia,
Jis užmiršo, ką darys.*
(Blokas 1980:105)

Важно отметить, что «в литовской лингвистической литературе слова категории состояния в самостоятельную часть речи не выделяются. «Указав на то, что в литовском языке существует особая группа слов, которые представляют собой застывшие формы и выполняют функцию предиката в безличных предложениях, Грамматика литовского языка приводит несколько доводов, согласно которым нет основания выделять особую часть речи – категорию состояния.» (Мустейкис 1972:242)

Как отмечает К. Мустейкис, грамматики литовского языка указывают, что качественные прилагательные в литовском языке могут иметь форму среднего рода. По мнению ученого, такое утверждение является необоснованным и противоречит самой сути прилагательного как части речи, обозначающей признак предмета. Грамматической особенностью прилагательных является их подчинение именам существительным. Слова типа *gera* – *хорошо*, *graži* – *красиво* никогда не согласуются с существительными. Кроме того, не могут существовать прилагательные среднего рода, так как в литовском языке нет существительных среднего рода, следовательно, слова типа *gera* – *хорошо*, *graži* – *красиво*, бывшие в прошлом формой именительно-винительного падежа качественных прилагательных среднего рода можно выделить в самостоятельную часть речи. «Под влиянием традиций русской грамматики были попытки формы *gera*, *graži* выделять в отдельную часть речи – категорию состояния. Однако в литовском языке данная концепция не нашла поддержки и большинство языковедов не выделяют категории состояния» (Tekorienė 1990:102), а слова типа *gera*, *graži* являются прилагательными среднего рода.

4) кратким страдательным причастием в форме среднего рода. Формой среднего рода краткого страдательного причастия передается значение состояния как результата совершившегося действия. В литовском языке – **средним родом причастий**.

извиваясь ночью на простыне –
как не сказано ниже по крайней мере –
 я взбиваю подушку мычащим «ты»
 (Бродский 1999:148)

raitausi tarp lovų marškų lyg pūgos
siautime,
tegu tai bus ir neįamžinta niekur,
pagalvę maitoju mūkiančiu „tu“
 (Brodskis 1999:149)

5) отрицательным словом или конструкцией, выражающей отрицание:

Покоя нет!
 (Блок 1980:85)

Nėra ramybės!
 (Blokas 1980:143)

Никого не будет в доме,
 Кроме сумерек.
 (Пастернак 1989:116)

Namuose nebus niečnieko,
Vien tik prieblanda.
 (Pasternakas 1989:117)

Ласки не надо.

Nereikia glamoniu,

Лаской ли грубой тебя оскорблю?
(Блок 1980:119)

Ar šiurkštumu aš įžeisti galiu?
(Blokas 1980:168)

Соответствия и несоответствия средств выражения главного члена безличных конструкций можно представить в виде таблицы.

Главный член безличной конструкции	Безличные конструкции русского языка	Безличные конструкции литовского языка
безличный глагол	+	+
личный глагол в безличном значении	+	+
безлично-предикативное слово (категория состояния) (с инфинитивом или без него)	+	-
краткое страдательное причастие в форме среднего рода	+	-
отрицательное слово или конструкция, выражающая отрицание	+	+
средний род прилагательных, причастий	-	+

В данной таблице заметно преобладание соответствий в русском и литовском языках в аспекте средств выражения главного члена безличных конструкций, однако при анализе способов передачи безличных конструкций русского языка в переводах на литовский язык необходимо обратить особое внимание на несоответствия, так как они могут осложнить перевод.

3. Переводческая эквивалентность

Для достижения адекватности при переводе текста с одного языка на другой, переводчик должен использовать эквивалентные соответствия в языке, на который делается перевод. Как указывает Н. Гарбовский (2004:308), термины «эквивалентность» и «адекватность» оказываются этимологически связанными, так как восходят к одной латинской форме *aequie* - *равно, одинаково, так же*. По мнению ученого, понятие адекватности перекочевало в теорию перевода из теории познания, где термином «адекватное» обозначается *верное воспроизведение* в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности. Для теории перевода в качестве такой действительности выступает оригинальный текст как стройная система связей и отношений между составляющими его элементами. Задачей перевода является верное воспроизведение этой системы связей и отношений средствами другого языка. Адекватность перевода состоит в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям. Н. Гарбовский (2004:309) выделяет некоторые особенности свойственные данным понятиям.

Адекватность:

- характеристика степени соответствия текста перевода ожиданиям участников коммуникации;
- связана с условиями протекания межязыкового коммуникативного акта.

Эквивалентность:

- ориентирована на результаты перевода, на соответствие текста перевода определенным параметрам оригинала;
- предполагает максимально полную передачу коммуникативно-функционального инварианта оригинала.

Так как категории адекватности и эквивалентности имеют оценочный и нормативный характер, они употребляются как синонимы и являются целью перевода.

Согласно И. Алексеевой (2004:130), эквивалентность – соответствие текста перевода тексту оригинала. Понятие переводческой эквивалентности включает представление о результате перевода, максимально близком к оригиналу, и представление о средствах достижения этого результата. Через перевод не возможны ни стопроцентная передача информации, ни стопроцентное воспроизведение единства текста и несмотря на то полноценный перевод возможен.

По мнению Л. Латышева (1981:8), результаты перевода зависят от того, как переводчик представляет себе эквивалентность перевода. Существующие взгляды на эквивалентность перевода рассматриваются как концепции эквивалентности.

Концепция формального соответствия. Как указывает И. Алексеева (2004:140), это одна из самых древних концепций эквивалентности, возникшая как основа для передачи письменных священных текстов, в которых каждый знак считался важным, имеющим свое значение. Согласно данной концепции, при переводе передается все, что поддается передаче (в том числе по мере возможности и структура исходного текста). Трансформируются, заменяются, опускаются только те элементы исходного текста, которые вообще невозможно воспроизвести. Такого рода подход продиктован желанием помимо передачи содержания донести до получателя перевода во всех его особенностях способ выражения содержания, показать, как «сконструировано» это содержание на исходном языке. Данная концепция подверглась критике. Однако концепция формального соответствия все еще осуществляется в двух случаях: при переводе текста в целях филологического изучения древних текстов, а также при составлении подстрочных переводов поэтических произведений, служащих «сырьем» для последующих поэтических переводов.

Концепция адекватного перевода. Существенным для этой концепции явилось стремление ее авторов А. Федорова и Я. Рецкера отграничить перевод от точного пересказа (цит. по Латышев 1981:7). Как перевод, так и пересказ способны достаточно полно передать содержание исходного текста, но отличительными качествами адекватного перевода, по мнению авторов концепции, является:

- 1) исчерпывающая передача смыслового содержания исходного текста (тождество информации, сообщаемой на разных языках);
- 2) передача информации равноценными средствами.

Под равноценностью средств подразумевается не их сходство на формально структурной основе, а их функциональная эквивалентность, т. е. переводчик должен использовать в переводе такие средства, которые выполняют выразительную функцию, аналогичную выразительной функции языковых средств подлинника. В формально-структурном и в словарно-лексическом плане языковые средства оригинала и текста перевода могут не совпадать. Тексты перевода, отвечающие вышеизложенным требованиям, считаются адекватными. В концепции адекватного перевода, по мнению И. Алексеевой и Л. Латышева, не уточнены понятия «содержание» и «функция», однако, если дополнить данную концепцию положением о ранговой иерархии компонентов содержания, она окажется плодотворной для перевода художественных текстов. Ученые

отмечают, что современная практика перевода художественных текстов в целом ориентируется на эту концепцию.

Концепция динамической эквивалентности. Понятие динамической эквивалентности введено в лингвистику американским ученым Ю. Найдой (1978:128). «Можно описать перевод динамической эквивалентности как «самый близкий естественный эквивалент исходного сообщения» (Найда 1978:129). Обычно эквивалентность перевода устанавливается путем сравнения исходного текста с текстом перевода. Ю. Найда предлагает сравнивать реакции получателя переводного текста и получателя текста на исходном языке. Если эти реакции в своих существенных чертах (как в интеллектуальном, так и в эмоциональном плане) эквивалентны друг другу, то текст перевода признается эквивалентным исходному тексту. Под эквивалентностью реакций подразумевается их сходство, но не тождество, которое является недостижимым в силу различий этнолингвистического, национально-культурного плана между представителями различных языковых общностей. Акцентируется не индивидуальная реакция отдельного человека, а реакция носителя языка перевода. Лингвоэтническая реакция является прогнозом, который опирается на знание переводчиком собственной национальной психологии, различий в культурно-исторических традициях, на знание реалий, исходного языка и языка перевода.

В процессе перевода переводчик вносит в содержание исходного текста лишь те поправки, которые обусловлены лингвоэтническими различиями между коммуникантами. Коммуникантами в данном случае являются автор произведения и читатель, а переводчик выполняет роль посредника, т.е. передает читателю текст автора. Так, например, если коммуникант употребляет формулировку, которая звучит на исходном языке грубо, то переводчик должен эту грубость передать. Переводчик должен внести корректуры и в том случае, если коммуникант употребил формулировку, которая на его языке звучит нейтрально, а на языке иноязычного коммуниканта – грубовато.

Понятие динамической эквивалентности схоже с понятием функциональной эквивалентности, выдвинутым А. Швейцером, который предлагает ориентироваться на коммуникативную установку, от которой зависит выбор языковых средств в тексте.

Согласно Дж. Катфорду (2004:45), эквивалентом является любой текст языка перевода или часть текста, рассматриваемая как эквивалент текста или части текста языка-источника. Эквивалентность обеспечивает сохранение в переводе не только прагматической аналогии, но и описывает аналогичную предметную ситуацию. Предметная ситуация, описанная в тексте оригинала, передается в переводе иными структурными и стилистическими средствами, а иногда иными семантическими

компонентами. Для достижения адекватности при переводе текста с одного языка на другой переводчик должен использовать эквивалентные соответствия в языке, на который дается перевод. Среди имеющихся средств нужно найти эквиваленты, которые будут адекватны оригиналу. Для этого необходимо установить уровни эквивалентности.

Наиболее известные теории уровней эквивалентности строятся на семиотических основаниях, точнее на выделенных семиотикой трех типах отношения языкового знака – прагматического, семантического и синтаксического. Теории уровней эквивалентности, представленные Г. Егером, В. Комиссаровм, А. Швейцером (цит. по Гарбовский 2004:295), объединяют выделение трех основных уровней эквивалентности:

1. **прагматический** (отношения между знаком и участниками акта коммуникации);
2. **семантический** (отношения между знаком и отражаемым в нем фрагментом реальной действительности);
3. **синтаксический** (отношения между знаками в процессе коммуникации).

Прагматический уровень эквивалентности составляет то необходимое коммуникативное ядро, без которого эквивалентность не может быть достигнута. Переводчик выделяет в содержании исходного текста элементы, которые могут вызвать у читателя другой культуры реакцию, неэквивалентную реакции носителей языка оригинала, и соответствующим образом видоизменяет, заменяет их. Прагматическому уровню подчиняются синтаксический и семантический. Отчасти можно согласиться, что семантический уровень доминирует над синтаксическим, так как в реальном переводе нередко семантика того или иного элемента изменяется только потому, что этого требуют иные, чем в языке оригинала, возможности сочетаемости.

Различия в степени соответствия единиц языка перевода и языка оригинала подразделяются на виды эквивалентности. В нашей работе мы опираемся на деление Я. Рецкера (2004:15) эквивалентов на полные и частичные. Полными эквивалентами являются такие единицы сравниваемых языков, которые совпадают во всех значениях или же имеют в обоих языках лишь одно значение. Частичными эквивалентами оказываются многозначные слова и словосочетания, совпадающие в одном или нескольких значениях.

«Каждый переводчик-практик, освоив теоретические основы перевода, вырабатывает собственную концепцию эквивалентности, принимая решения в силу своей общекультурной и языковой компетенции» (Гарбовский 2004:316). В большинстве случаев культурные расхождения представляют меньше трудностей, чем можно было бы ожидать, потому что всем понятно, что у других народов могут быть иные традиции.

Необходимо обратить внимание на обнаруживаемые в языках соответствия, которые могут вызвать трудности при переводе. Как указывает Л.Станкевичене (2002:3), методом

сопоставления родственных и неродственных языков установлено, что в языках существует много внешне похожих или идентичных лексем (напр., в английском языке слово *replica* «точная копия объекта», но данное слово употребляется и в другом значении *реплика* «ответ, противоречие»), которые называются лексическими псевдоэквивалентами. Многие из них имеют различия в семантике и могут привести к недоразумениям, ложным ассоциациям, искажению текста, ложной стилистической окраске и многим другим проблемам перевода.

А. Федоров (2002:191), для обозначения слов, полностью или частично совпадающих по звуковой или графической форме с иноязычным словом (напр. английское *artist*, французское *artiste*, испанское *artista*, означающее «человек искусства», «деятель искусства», «художник вообще», немецкое *Artist*, означающее «артист цирка или эстрады» и русское *артист*, обобщенно означающее в современном языке «актер любого вида театра») называет ложным эквивалентом. В научной литературе встречаются такие определения, как «ложные друзья переводчика», межъязыковые омонимы и т. д.

3.1. Полные эквиваленты

Согласно В. Алимову (2005:250), Я. Рецкеру (2004:15), эквивалентом является равнозначное соответствие, не зависящее от контекста. Эквиваленты играют роль катализаторов в процессе перевода. Именно эти единицы перевода, имеющие постоянное соответствие в родном языке, прежде всего проясняются в сознании переводчика и помогают ему понять значение окружающего контекста и всего высказывания в целом.

Полная эквивалентность – это полное совпадение по какому-либо признаку единиц языка перевода и оригинала.

В нашей работе обнаружены полные эквиваленты безличных конструкций русского языка, которые при переводе на литовский язык совпадают не только по значению, но и на грамматическом уровне.

Собранные примеры доказывают, что при переводе достигнута высокая степень эквивалентности, так как перевод эквивалентен оригиналу на следующих уровнях:

1) эквивалентность на **семантическом** уровне.

Что казалось – сейчас забелеет прозрачный подснежник... (Ахматова 1994:102)

Ir atrodė – žibuoklės pražys ant išildytos žemės... (Achmatova 1994:103)

Казаться – «1. иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление. 2. Явиться в мысли, в воображении» (Ожегов, Шведова 1990:261).

Atrodyti – „1. turėti išvaizdą. 2. rodytis, susidaryti nuomonę“ (Dabartinės lietuvių kalbos žodynas 2000:54 – далее DLKŽ).

И было темно.

(Пастернак 1989:52)

Ir buvo tamsu.

(Pasternakas 1989:53)

Темный – «лишенный света; погруженный во тьму» (Ожегов, Шведова 1990:791).

Tamsus – „kuris be šviesos, apgaubtas tamsos“ (LDKŽ 2000:829)

И хочется, уста

слегка разжав, произнести «не надо».

(Бродский 2001:132)

Ir noris man,

šiek tiek dantis pražiojus, tart „nereikia“.

(Brodskij 2001:133)

Хочет – «иметь желание, намерение, ощущать потребность в ком-чем-н.» (Ожегов, Шведова 1990:865).

Произнести «сказать, выговорить, проговорить» (Ожегов, Шведова 1990:610).

Norėti – „jausti norą, geisti, pageidauti“ (LDKŽ 2000:428)

Tarti „kalbos padargais sudaryti garsus, sakyti, pareikšti“ (LDKŽ 2000:834).

– так иголка шаркает по пластинке,
забывая остановиться в центре, –
можно смириться с невзрачной дробью
остающейся жизни...
(Бродский 2001:186)

taip adata plokštele vaikšto, pamiršus, kad reikia sustoti prie centro, –
galima susitaikyti su nykiu barbenimu
to, kas beliko... (Бродский 2001:187)

Смириться «примириться с кем-чем-н., покориться кому-чему-н» (Ожегов, Шведова 1990:734).

Susitaikyti „prisitaikyti, prisiderinti“ (LDKŽ 2000:777).

Лишь слышно – ворон глухо

Совет товарищей своих,
(Блок 1980:107)

Tik girdis, kaip nubudę

Jau kranksi juodvarniai toli
(Blokas 1980:158)

Слышать «такой, что можно слышать» (Ожегов, Шведова 1990:731).

Girdėti „suvokti garsus“ (LDKŽ 2000:175)

2) на синтаксическом уровне:

В текстах русского и литовского языков безличные конструкции выполняют роль сказуемого:

И меня по ошибке пленило,
Как нарядная пляшет беда...
(Ахматова 1994:282)

Ir per klaidą mane pakerėjo,
Kaip dabitiškai šoka bėda...
(Achmatova 1994:283)

Остаётся, затылок от взгляда прикрыв руками,
бормотать на ходу «умерла, умерла»... (Бродский 2001:250)

Belieka, rankom nuo žvilgsnio pridengus pakaušį,
murmėti greitai „numirus, numirus“... (Бродский 2001:251)

И знать, что лихая солдатка

Ушла за село, в хоровод!

(Блок 1980:72)

Žinot, kad gobiasi skarą

Šaunioji kareivio žmona!

(Blokas 1980:133)

Чем заменить тебя?

(Пастернак 1989:84)

Bet kuo tave pakeist?

(Pasternakas 1989:85)

Особого внимания заслуживают безличные конструкции, выраженные **категорией состояния**, которой в литовском языке соответствует **средний род прилагательных**, так как в литовском языке категория состояния не выделяется:

У нас в парадном, знаете, темно.

Мне было просто худо.

Как странно.

(Бродский 2001:98)

Mūs priebuty, suprantate, tamsu.

Man tik buvo bloga.

Kaip keista.

(Brodskij 2001:99)

Красиво, правда?

Мне что-то душно. Ничего, пройдёт.

(Бродский 2001:118)

Gražu, tiesa?

Kažko tvanku man. Nieko, tuoj praeis.

(Brodskij 2001:119)

3) эквивалентность на **прагматическом** уровне. При достижении эквивалентности на семантическом и синтаксическом уровнях обеспечивается адекватность текста перевода тексту оригинала, вследствие чего достигается эквивалентное воздействие на читателя:

Остаётся, затылок от взгляда прикрыв руками,

бормотать на ходу «умерла, умерла»... (Бродский 2001:250)

Belieka, rankom nuo žvilgsnio pridengus pakaušį,

murmėti greitai „numirus, numirus“... (Бродский 2001:251)

И становится ясно, что нечего вопрошать

ни посредством горла, ни с помощью радиозонда
синюю рябь...

(Бродский 2001:212)

Ir darosi aišku, kad nedera klaust

nei balsu, nei pasitelkus radiozondą
mėlynų raibulių...

(Brodskij 2001:213)

Достигнутые при переводе семантическая и лексическая эквивалентность делают перевод адекватным. Главной функцией поэтического текста является воспроизведение текстом перевода такого же воздействия на получателя информации, которое производит оригинал. В большинстве случаев при достижении данной цели неизбежны отклонения от оригинала на семантическом, синтаксическом и других уровнях, однако приведенные примеры свидетельствуют о возможности достижения полной эквивалентности при переводе поэтического текста.

3.2. Частичные эквиваленты

Частичная эквивалентность – это неполное совпадение единиц языка перевода и оригинала по какому-нибудь признаку эквивалентности. В собранных нами примерах значение безличных конструкций русского языка при переводе на литовский совпадают в одном из значений.

Грешить бесстыдно, непробудно, Счет потерять ночам и дням, И, с головой от хмелья трудной, Пройти стороной в божий храм. (Блок 1980:234)	Nugrimzt į buitį nuodėmingą, Dienų naktų nebeatrinkt, Paskui – su galva pagiringa <i>Į viešpaties namus atslinkt.</i> (Blokas 1980:220)
---	--

Пройти – «1. В ходьбе, движении передвинуться по какому-н. или к какому-н. месту.» (Ожегов, Шведова 1990:610).

Atslinkti – „slenkant artėti (priartėti)“ (DLKŽ 2000:587)..

Одна мне осталась надежда: Смотреться в колодезь двора. (Блок 1980:410)	Beliko paguoda man toji: Žvelgt kiemo šulnin sutemoj (Blokas 1980:97)
--	--

Смотреться – «1. рассматривать свое отражение в чем-н.» (Ожегов, Шведова 1990:734).

Žvelgti – „žiūrėti, kreipti akis“ (DLKŽ 2000:966).

Ставя босую ногу на красный мрамор, <i>тело делает шаг в будущее – одеться.</i> (Бродский 1999:178)	Ant rausvo marmuro statydamas kojąbasą, <i>kūnas žengia į ateitį – vilktis rūbą švarų.</i> (Brodskis 1999:179)
---	---

Одеться - «1. покрыть себя какой-н. одеждой, покрывалом» (Ожегов, Шведова 1990:443).

Vilktis – „5.rengtis drabužiu“ (DLKŽ 2000:934).

Земле дышать ботвой картошки, И стынуть больше невтерпеж. (Пастернак 1989:190)	Alsuoti žemei bulvienojais <i>Ir stirti tapo per sunku.</i> (Pasternakas 1989:191)
---	---

Стынуть – «2. мерзнуть, коченеть от холода» (Ожегов, Шведова 1990:774).

Stirti – „1. darytis nelanksčiam, sukietėjusiam, stingti (ppr. nuo šalčio)“ (DLKŽ 2000:736).

*В душевой кухне плещется водою,
Половицам шатким счет ведет,
С глянцевиной черной бородою
За окном чердачным промелькнет –*
(Ахматова 1994:114)

*Vandenį tvankioj virtuvėj laisto,
Grindlentėm atgirgžda iš tamsos,
Žvilganti juoda barzda neaiškiai
Už palėpės lango sušmėsuos –*
(Achmatova 1994:115)

Плескаться – «3. лить, проливать крупными брызгами» (Ожегов, Шведова 1990:521).

Laistyti – „2. po kiek lieti skystį iš indo“ (LDKŽ 2000:351).

*Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей, –
Придется поминать того, кто, полный сил,
(Ахматова 1994:154)*

*Man, verkautojai žuvusių laikų,
Praradus ir pamiršus viską, –
Reikės gedėti to, kurs kupinas jėgos,
(Achmatova 1994:155)*

Поминать – «2. У верующих: помолиться о здоровье живого (о здравии) или об упокоении умершего (за упокой)» (Ожегов, Шведова 1990:559).

Gedėti – „liūdėti, pasigesti, gailėtis (mirusio)“ (LDKŽ 2000:169)

*Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен,
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.
(Блок 1980:16)*

*Miglos gyvosios neįminti,
Kada ja apsigaubus tu.
Ir žemės ženkle nepažinti,
Nesutrikdyt sapnų baltų.
(Blokas 1980:103)*

Нарушить – «1. помешать нормальному состоянию, развитию чего-н., прервать» (Ожегов, Шведова 1990:390).

Sutrikdyt – „1. suirti, pakrikiti“ (LDKŽ 2000:787)

Понять – «уяснить значение чего-н, смысл чьих-н слов, поступков» (Ожегов, Шведова 1990:560).

Pažinti – “5. suvokti daiktus ar reiškinius (LDKŽ 2000:534).

Трудно себе представить

тебя в какой-то отдельной, даже блестящей, точке. (Бродский 2001:276)

Man sunku

vaizduotis tave viename, netgi spindinčiame taške. (Brodskij 2001:277)

Представить «3. явиться в мысли, в воображении» (Ожегов, Шведова 1990:580).

Vaizduotis „1. suvokti vaizduote“ (LDKŽ 2000:907).

В материале обнаружены и частичные эквиваленты, которые совпадают более чем в одном из значений:

Сделалось чуть прохладней.

(Бродский 2001:268)

Сделаться – «1. проявлять какую-н. деятельность, заниматься чем-н., поступать каким-н. образом. 2. производить, совершать, исполнять что-н., работая» (Ожегов, Шведова 1990:705).

Pasidaryti – „1. gaminti dirbti. 2. teikti pavidalą, išvaizdą, būklę“ (DLKŽ 2000:109).

Pasidarė truputį vėsiau.

(Brodskij 2001:269)

Бороться с мраком и дождем,

Страдальцев участь разделяя...

(Блок 1980:81)

Бороться – «1.нападая, стараться осилить в единоборстве. 2. Сражаться или состязаться, стремиться победить. 3. Стремиться уничтожить, искоренить. 5. вступить в противоречие, в столкновение (о чувствах, стремлениях)» (Ожегов, Шведова 1990:62).

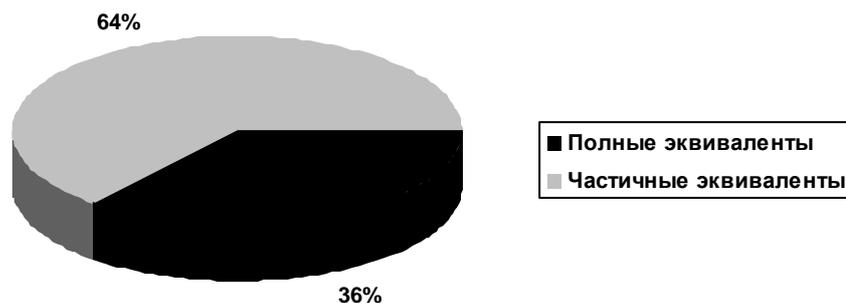
Kovoti – „1. kautis, kariauti. 2. varžytis (sporto rungtynėse). 3. stengtis sunaikinti, nugalėti; stengtis laimėti. 4. grumtis (jausmams, siekimams)“ (DLKŽ 2000:328).

Kovot su vėtrom ir ūku,

Kentėt, kaip kaliniai kentėjo...

(Blokas 1980:32)

В собранных нами примерах эквивалентного перевода безличных русских конструкций на литовский язык большинство примеров составляет частичные эквиваленты (64 %). Полные эквиваленты при переводе русских безличных конструкций обнаруживаются почти в два раза реже и составляют 36% всех эквивалентов собранного материала.

Эквивалентность предполагает взаимозаменяемость сравниваемых объектов, но взаимозаменяемость не абсолютную, а возможную в каком-либо отношении. Сопоставление переводов с их оригиналами показывает, что существует несколько типов эквивалентности, каждый из которых является средством достижения адекватности перевода.

4. Трансформации

Главная цель перевода – достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности – согласно нормам языка перевода создать текст, максимально приближенный к оригиналу по его семантике, структуре и воздействию на читателя. В результате перевода возникает новый объект, в большей или меньшей степени напоминающий первый и существующий параллельно с ним.

«Межъязыковые преобразования в целях достижения эквивалентности текстов оригинала и перевода (в целях сохранения функционального воздействия сообщения) называются переводческими трансформациями» (Семенов 2005:68). Сравнивая исходный текст и текст перевода, мы отмечаем, что некоторые части исходного текста переведены «слово в слово», а некоторые – со значительными изменениями. Трансформация происходит в том случае, если в переводе система смыслов, заключенная в исходном речевом произведении или его фрагменте, подвергается изменению, происходит перегруппировка элементов смысла, добавляются новые элементы смысла и выпадают некоторые из тех, что были в исходном тексте.

Согласно Н. Гарбовскому (2004:372), в генеративной грамматике, откуда понятие трансформаций перешло в теорию перевода, первоначально было выделено пять типов трансформационных правил: опущение (стирание, устранение, упразднение компонентов), добавление компонентов, субституция (замена компонентов), перестановка (перемещение компонентов), пермутация (взаимная замена компонентов). Последние две объединились и в теорию перевода перешла четырехчастная типология трансформаций:

- **перестановка** – изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Элементами, которые могут подвергаться перестановке, являются слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения в строе текста;
- **замена** – наиболее распространенный вид переводческих трансформаций. В процессе перевода могут заменяться формы слов, части речи, члены предложения;
- **добавление** – введение дополнительных семантических компонентов в текст перевода;
- **пропуск** – опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, то есть выражающие значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи.

В переводческой деятельности трансформации чаще всего бывают смешанного типа. Как правило, разного рода трансформации осуществляются одновременно, т. е.

сочетаются друг с другом – перестановка сопровождается заменой, грамматическое преобразование сопровождается лексическим.

4.1. Замена

Замена – это подбор слова, обозначающего другое, но контекстуально и логически связанное понятие. В собранном нами материале безличные конструкции русского языка, при переводе на литовский язык, во многих случаях заменяются личными конструкциями.

Согласно А. Федорову (2002:195), в практике перевода встречается ряд случаев, когда не воспроизводится совсем или заменяется формально далеким тот или иной элемент подлинника, пропускается то или иное слово, словосочетание и т. п., но невозможность передать отдельный элемент, отдельную особенность оригинала также не противоречит принципу переводимости, поскольку последний относится к произведению, как к целому. Следовательно, целое состоит из конкретных элементов, которые существенны не каждый в отдельности и не в механической своей совокупности, а в системе, образуемой их сочетанием и составляющей единство с содержанием произведения. Отсюда возможность замен в системе целого, открывающей для этого разнообразные пути: таким образом утрата отдельного элемента, не играющего организующей роли, может не ощущаться на фоне обширного целого, он как бы растворяется в целом или заменяется другими элементами, иногда и не заданными оригиналом.

Замена – это наиболее распространенный вид переводческих трансформаций. И.Алексеева (2004:159), Л.Латышев (1981:25), А.Семенов (2005:72) называют замены форм слова **морфологическими трансформациями** (замена одной части речи другой или несколькими частями речи. В плане содержания они почти ничего не меняют); замены членов предложения – **синтаксическими трансформациями** (изменение синтаксических функций слов и словосочетаний). В нашей работе морфологические и синтаксические трансформации рассматриваются как типы замены.

В результате анализа замены можно подразделить на следующие типы.

1) Замены форм слова.

Безличная конструкция, выраженная глаголом настоящего времени, при переводе заменяется глаголом будущего времени:

То кружится, закинув руки,

То *ползает* змеей, – и вдруг

Вся замерла в истоме скуки,

(Блок 1980:156)

Tai pasistieps jinai ant pirštu,

Tai gyvate **atšliauš** – ir štai

Ji nuobody alpiam apmiršta,

(Blokas 1980:190)

Замена возвратного глагола невозвратным глаголом:

Одна мне осталась надежда:

Смотреться в колодезь двора.

(Блок 1980:410)

Beliko paguoda man toji:

Žvelgt kiemo šulnin sutemoj

(Blokas 1980:97)

2) Замены частей речи.

Безличная конструкция, выраженная глаголом, при переводе заменяется существительным:

Сильно звенит в ушах.

(Бродский 1999:208)

Ausyse keistas gausmas.

(Brodskis 1999:209)

Категория состояния заменяется личными формами глагола:

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?

(Блок 1978:196)

Pavasari! Sakyk ko aš norėjau?

(Blokas 1978:43)

*А то, что очевидно для людей,
собакам совершенно безразлично.*

(Бродский 1999:18)

*O visa, kas žmonėms akivaizdu,
šunų nejaudina.*

(Brodskis 1999:19)

При переводе безличные конструкции русского языка очень часто заменяются личными конструкциями литовского языка:

Страну знобит, а омский каторжанин

Все понял и на всем поставил крест.

(Ахматова 1994:206)

Šalis karščiuoja, ir, supratęs viską,

Kryžmai ją braukia Omsko kalinys.

(Achmatova 1994:207)

Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко,

Какою-то мечтой горела голова.

(Блок 1980:196)

Kažko gailėjausi, kažko slapta norėjau,

Ir degė man galva neaiškia svajone.

(Blokas 1980:39)

И только душу захлестнуло

Сребристой мглой из-под подков...

(Блок 1980:98)

Ir tik į sielą sniegas krenta,

Pakeltas žirgo pasagu...

(Blokas 1980:155)

Пусть над новой избой
Будет свод голубой –
Полно соснам скрывать синеву!
(Блок 1980:389)

Virš trobos, virš naujos
Lai dangus mėlynuos –
Ar ilgai šakos temdys skliautus!
(Blokas 1980:88)

Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.
(Пастернак 1989:202)

Tai žino vieni pataikūnai,
Gana įtakingi visur.
(Pasternakas 1989:203)

3) Замены членов предложения.

Безличная конструкция, в тексте оригинала выполняющая роль сказуемого, при переводе заменяется подлежащим:

Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых (Ахматова 1994:102)
Ir lyg pragaras – žaros, kamuojančios, rausvos ir tvankios (Achmatova 1994:103)

Она раскинулась лениво –
Навек забыть, навек уснуть...
(Блок 1980:73)

O ji išsitiesė aptingus, –
Ją gaubia miegas, užmarštis...
(Blokas 1980:134)

4) Замена одного предложения двумя:

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

O grįžus vėl tarp savo mūru,
Nusukt tą grašį nuo kitų.
Iš šunį alkaną nuo durų
Be gailėsčio nuspietė batų.

5) Лексические замены очень часто используются в поэзии:

Пахнет оледененьем.
Пахнет, я бы добавил, неолитом и палеолитом.
(Бродский 1999:280)

Alsuoja ledynai,
alsuoja, pridursiu, neolitas ir paleolitas...
(Brodskis 1999:281)

И *окуняться* в неизвестность,
И *прятать* в ней свои шаги,

Ir *pasinerk* nežinomybėn,
Kur žingsnių aidu *negirdi,*

Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.
(Пастернак 1989:162)

*И слепому и глупому мне
Лишь сегодня **приснилось** во сне,
Что она не любила меня никогда...
(Блок 1980:243)*

*Ах, **сладко**, как **сладко**, так **сладко**
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!
(Блок 1980:72)*

*И **снится** – в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
(Блок 1980:153)*

Taip migloje vietovė slypi,
Kai nematyt net iš arti.
(Pasternakas 1989:163)

*Ir tik šiandien **nušvito** sapne
Man, aklam ir kvailam, ta žinia,
Kad jinai nemylėjo manęs niekada...
(Blokas 1980:226)*

*Vai, **gera**, kaip **gera**, taip **gera**,
Vis dirbt, kol išauš diena,
Žinot, kad gobiasi skara
Šaunioji kareivio žmona!
(Blokas 1980:133)*

***Regiu** – tolimajam aūle,
Ties amžino kalno šlaitu,
(Blokas 1980:185)*

Замена широко используется при переводе безличных конструкций и составляет 31 % всех примеров. Данный тип переводческой трансформации в большинстве случаев применяется не по причине несоответствий русского и литовского языков, а с целью достижения образности, звучности, соблюдения рифмы, т.е. для воспроизведения на читателя перевода такого же впечатления, которое делает оригинал.

4.2. Перестановка

Перестановка – это изменение в переводе расположения (порядка следования) языковых элементов, соответствующих языковым элементам подлинника. Перестановкам могут подвергаться:

1) **безличные конструкции, выраженные глагольной формой:**

И под лампадой у иконы

Пить чай, отщелкивая счет,

Потом переслюнить купоны,

Пузатый отворив комод.

(Блок 1980:234)

Po ikona arbatą gerti

Ir barškint skaitliukus smagiai,

Komodą pamaldžiai atverti

Ir glostyt kuponus ilgai.

(Blokas 1980:220)

*Под шторку **несет** обгорающей ночью,*

И рушится степь со ступенек к звезде.

(Пастернак 1989:68)

*Ir **dvelkia** svilėšiais prie uždaro lango,*

Ir stepė į šipulius dūžta nakčia.

(Pasternakas 1989:69)

Грешить бесстыдно, непробудно,

Счет потерять ночам и дням,

И, с головой от хмелья трудной,

Пройти сторонкой в божий храм.

(Блок 1980:234)

Nugrimzt į buitį nuodėmingą,

Dienų naktų nebeatrinti,

Paskui – su galva pagiringa

*Į viešpaties namus **atslinkt.***

(Blokas 1980:220)

Ночью, сном не успевши забыться,

В просветленьи вскочивши с софы,

Целый мир уложить на странице,

Уместиться в границах строфы.

(Пастернак 1989:224)

Naktį šoksi iš miego be kvapo,

Lyg nuo žaibo nutviskus mintims,

Kas netilpo į popieriaus lapą,

*Į vienintelį posmą **sutilps.***

(Pasternakas 1989:225)

Три раза преклониться долу,

Семь – осенить себя крестом,

Тайком к заплеванному полу

*Горячим **прикоснуться** лбом.*

(Блок 1980:234)

Ir triskart nusilenkt aukščiausiam,

Ir poterius kalbėt balsu,

*Paskui kakta **paliest** kukliausiai*

Grindis, apspjaudytas visų.

(Blokas 1980:220)

Порядок слов в русском и литовском языках не является фиксированным, что позволяет переводчику менять при переводе место слов в предложении, при этом не искажая значения исходного текста.

2) части сложного предложения:

Торопиться не надо, уютно;

Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

(Блок 1980:246)

Ir jauku, ir nereikia skubėti;

Gal mintis aplankys čia mane, –
Kaipgi žmonės galėjo atspėti,
Kur gyvenimas doras, kur ne.

(Blokas 1980:228)

3) безличные предложения:

В том доме было очень страшно жить,

(Ахматова 1994:212)

Baisu gyventi buvo tam name,

(Achmatova 1994:213)

И не успеть дочесть отходной

Тебе, пузатый иерей!

(Блок 1978:257)

Ir tu, pilvotasai šventike,

Nebaigsi šermenių maldos! 204

(Blokas 1978:204)

Как после залпа сразу тихо стало,

Смерть выслала дозорных по дворам.

(Ахматова 1994:90)

Staiga tyla nelyg po salvės stojo,

Mirtis išskirstė pakiemėm žvalgus.

(Achmatova 1994:91)

Расстраиваться не надо:

У страха глаза велики.

(Пастернак 1989:136)

Bet ***krįmstis*** dievaž gal ***neverta:***

Nėra ko šešėlio bijot.

(Pasternakas 1989:137)

И стало беспощадно ясно:

Жизнь прошумела и ушла.

(Блок 1980:115)

Ir širdį man staiga nugėlė:

Gyvenimas prabėgo jau.

(Blokas 1980:161)

Сохранение всех значений при переводе невозможно (особенно в поэтическом тексте) и вряд ли это является необходимым, так как, если переводчик во что бы то ни стало пытается сохранить все черты внешнего сходства между исходным текстом и текстом перевода (например, сходство синтаксических структур), то возникает опасность

пожертвовать смысловыми элементами исходного текста. Для поэтического текста важным является смысловое значение, следовательно, переводчик должен пытаться сохранить именно смысл исходного текста и воздействие на читателя, если при этом удастся воспроизвести и внешний облик поэтического произведения, перевод можно считать высокого уровня.

4.3. Пропуск

Согласно А. Семенову (2005:75), пропуск – это опущение в тексте перевода семантически избыточных компонентов.

Нами собранные примеры доказывают, что при переводе поэтического текста опускаются не только служебные части речи, такие как: союзы, междометия, но и безличные конструкции. В некоторых случаях пропуск безличных конструкций существенно не меняет смысла стихотворения. Например, слова «налеплено», «светает» в стихотворении пропускается, но при этом информация существенно не изменяется:

Что почек, что клейких заплывших огарков

Налеплено к веткам! Затеплен

Апрель. Возмужалостью тянет из парка,

И реплики леса окрепли.

(Пастернак 1989:40)

O kiek pumpurų lyg apdegusių dagčių

Prie medžių šakelių! Šiltyn vis

Kasdien. Kitaip iš parko dvelkia po nakčiai

Garsėja ir miško garsynas.

(Pasternakas 1989:41)

Светает – это Страшный суд.

(Ахматова 1994:276)

Apokalipsės jau diena.

(Achmatova 1994:277)

Обнаружены примеры, когда при переводе пропускается часть безличной конструкции. В безличной конструкции «легче жить» пропускается слово «жить», в «проснуться и прозреть» – слово «прозреть», однако смысл предложений сохраняется.

Так легче жить. А то почти не снести

Пережитого слышащихся жалоб.

(Пастернак 1989:100)

Iškart lengviau. Nes spengia ausyse

Nuo skundų, kiek praeityje kentėta.

(Pasternakas 1989:101)

Легко проснуться и прозреть,

Словесный сор из сердца вытрясть

И жить, не засоряясь впредь,

(Пастернак 1989:110)

Po laiko lengva atsibust,

Iškuopti širdį kiek patinka

Ir viltis, kad švari ji bus.

(Pasternakas 1989:111)

Данные переводы можно считать удачными. В тексте перевода пропускаются безличные конструкции, но сохраняется смысл стихотворения с несущественными изменениями.

В большинстве случаев пропуск изменяет смысл. При переводе пропускается слово «весело» и не сохраняется ощущение контраста, хаоса чувств: «темно, и весело, и душно», вследствие чего теряется сила выразительности:

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!
(Блок 1980:197)

Tamsu, tvanku, pasaulis dūsta,
Ir tu su nuostaba jauti,
Kaip kitai sielai jau paklūsta
Tavoji siela išdidi!
(Blokas 1980:201)

С пропуском безличной конструкции «нам **было видно**» в переводе исчезает косвенное указание на лицо. В переводе действие протекает самопроизвольно:

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – суда уплыли прочь.
Нам **было видно**: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.
(Блок 1980:215)

Pasaulis, rodos, praplatėjo,
Tačiau ir vėl laivai visi
[jūros tolimas nuskriejo, –
Juos paglemžė naktis tamsi.
(Blokas 1980:213)

Во всех вышеприведенных примерах при пропуске безличных конструкций происходит определенное изменение смысла, и, следовательно, перевод не является абсолютно адекватным оригиналу.

4.4. Добавление

Согласно И.Алексеевой (2004:166), добавления представляют собой расширение текста подлинника, связанное с необходимостью полноты передачи его содержания, а также с различиями в грамматическом строе. В первом случае речь идет о лексических добавлениях:

А в неодушевлённом мире
не принято давать друг другу сдачи.
(Бродский 2001:16)

Žinom,
*kad gruntis, gintis, netgi duot gražos
besielėje visatoje netinka.*
(Brodskij 2001:17)

От кружки синевы со льдом,
От пены буревестников
Вам дурно станет.
(Пастернак 1989:42)

Nuo tos ledinės žydrumos,
Nuo putų baltasparnių
Jums svaigs galva.
(Pasternakas 1989:43)

Во втором случае добавляются формальные грамматические компоненты, и происходит грамматическая добавления:

Быть знаменитым некрасиво,
Не это подымает ввысь.
(Пастернак 1989:162)

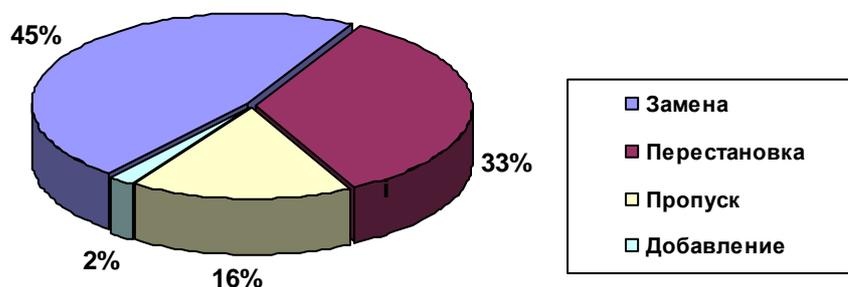
Menka šlovė tuščiai garsėti,
Ne tai suteikia juk sparnus.
(Pasternakas 1989:163)

Ног у порога не обтерши,
Вбегает в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.
(Пастернак 1989:168)

Visur su skersvėju praeina,
Kely kliūtis visas nugriauš,
Ir su užuolaida svetainėj
Lyg su šokėja ima siaust.
(Pasternakas 1989:169)

В собранных нами примерах обнаружено только четыре случая добавления при переводе русских безличных конструкций на литовский язык. Данный тип переводческой трансформации применяется при переводе Й. Бродского, Б. Пастернака и не обнаруживается при переводе стихотворений А. Ахматовой и А. Блока.

Количественное выражение данных четырех типов переводческих трансформаций можно представить в диаграмме.

Как видно из нашей диаграммы, большую часть (45%) переводческих трансформаций составляет замена. Кроме того, часто (33%) употребляется перестановка. Употребление переводческой трансформации пропуска встречается намного реже (16%), а добавление употребляется крайне редко (2%).

4.5. Лексические трансформации

По мнению И. Алексеевой (2004:162), Л. Латышева (1981:45), А. Семенова (2005:71), лексические трансформации представляют собой отклонения от прямых словарных значений. Лексические трансформации вызываются главным образом, тем, что объем значений лексических единиц исходного языка и языка перевода не совпадает. В зависимости от характера единиц языка оригинала, которые рассматриваются как исходные, переводческие трансформации подразделяются на:

- 1) **антонимический перевод** – трансформация утвердительной конструкции в отрицательную или наоборот, отрицательной в утвердительную. При антонимическом переводе переводимое слово в языке оригинала может заменяться на его антоним в языке перевода;
- 2) **генерализация** – замена единицы языка оригинала, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением;
- 3) **компенсация** – замена непередаваемого элемента подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника;
- 4) **конкретизация** – это замена слова или словосочетания языка оригинала с более широким значением на слово или словосочетание языка перевода с более узким значением.

В собранных нами примерах обнаружены примеры антонимического перевода и генерализации.

4.5.1. Антонимический перевод

Согласно З. Львовской (1985:28), И. Алексеевой (2004:210), антонимический перевод – тип преобразований, который заключается в трансформации утвердительной конструкции на отрицательную и наоборот – отрицательной на утвердительную.

В собранных нами примерах антонимический перевод выполняется на основе отрицания. В данных случаях не применяются разнокорневые слова, например: низкий – высокий, белый – черный и т. д. Это указывает на то, что переводчик применяет антонимический перевод не в силу отсутствия какого-либо понятия в языке перевода, но для достижения звучности, выразительности перевода.

*Мир не велик и не богат –
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо жить и быть покорным...*
(Блок 1980:72)

*Pasaulis mažas ir skurdus –
Ir kam gi juoda žvilgsnį siųsti!
Tik žmonės paskleidė gandas,
Kad reikia laukti ir paklusti...*
(Blokas 1980:136)

*«Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна»*
(Блок 1980:204)

*„Ne tokia baisi, kad imčiau
Paprastai žudyti; man aišku,
Kaip nepaprasta gyvent.“*
(Blokas 1980:212)

Завернуть не найдётся?
(Brodskis 1999:122)

Ar turi suvynioti į ką?
(Brodskis 1999:123)

*Сядет, спокойная, долго смотрит,
И до печали моей не спросит,
И о печали своей не скажет,
Только плечо мое нежно давит.*
(Ахматова 1994:228)

*Sėdas rami ir ilgai taip ji žiūri,
Ir apie mano gėlą neklausia,
Ir apie savo liūdesį tyli,
Tik mano petį švelniai paglosto.*
(Achmatova 1994:229)

В собранных нами примерах отрицательные безличные конструкции на литовский язык переводятся утвердительными. Выбор антонимического перевода обусловлен не различиями в языковых структурах языка оригинала и языка перевода. Переводчик сам

выбирает средства, которые он считает необходимыми и более подходящими для передачи смысла и духа произведения.

4.5.2. Генерализация

«Генерализацией называется переводческая трансформация, которая заключается в замене видového понятия родовым или единиц исходного языка с более узким значением единицами языка перевода с более широким значением» (Алексеева 2004:165). Таким образом, генерализация непременно ведет к сокращению элементов содержания, т.е. к определенным потерям при переводе.

Например, русская безличная конструкция, выраженная глаголом «убить», переводится на литовский язык более общим „*nebetekti*“:

У меня сегодня много дела:

Надо память до конца убить,

(Ахматова 1994:140)

Šiandien teks man smarkiai padirbėti:

Reikia nebetekti atminties,

(Achmatova 1994:141)

Слова «глазеть» и «видеть» в переводе выражаются более общим „*pamatyti*“. В данном примере слово «глазеть» является стилистически маркированным, что в переводе не сохраняется и передается стилистически нейтральным словом:

Родиться бы сто лет назад
и, сохнувшей поверх перины,
глазеть в окно и видеть сад,
кресты двуглавой Катарины;
(Бродский 1999:62)

Kad taip save pasigimdyt
prieš šimtmetį, pūkus nutrynus,
pro langą sodą pamatyt,
kryžius dvigalviškos Kotrynos;
(Brodkis 1999:63)

Слова «не счесть, не смерить» переводятся более общим литовским словом „*aprepti*“, и, таким образом, происходит лингвистический ущерб, так как вместо двух глаголов «считать» и «мерить» в переводе на литовский язык остается только одно – «охватить»:

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
(Блок 1980:107)

Ir gryčių, dūminių, žemų,
Akis aprept negali.
(Blokas 1980:158)

Генерализация является достаточно редким типом переводческой трансформации и составляет лишь 0,9 % в собранных нами примерах. При переводе поэтического текста генерализацию обуславливает не отсутствие эквивалентного значения в языке перевода, а

сам переводчик, который и выбирает подходящий, по его мнению, способ передачи мысли. Для достижения звучности, рифмы переводчик отказывается от некоторых слов и применяет генерализацию.

5. Заключение

В данной работе нами рассмотренные особенности передачи русских безличных конструкций в переводах на литовский язык позволяет делать следующие выводы:

1. Материалом работы является стихотворения А. Ахматовой, Й. Бродского, А. Блока и Б. Пастернака и их переводы на литовский язык. Было собрано 600 примеров русских безличных конструкций и их переводов на литовский язык.
2. Особенность перевода поэтического текста заключается в том, что в поэзии важным является не только содержание, но и форма, воспроизведение стиля автора. Поэтическое произведение должно воздействовать на читателя перевода с такой же силой как и оригинал. Для достижения эквивалентного перевода, переводчику необходимо понять замысел автора, анализировать и интерпретировать текст и одновременно не совершить существенных отклонений от оригинала. При анализе текста необходимо членить его на части, которые называются единицами перевода. В стихотворном тексте максимальной единицей перевода, чаще чем в текстах другого типа, является весь поэтический текст. Независимости от этого слово, как минимальная единица перевода поэтического текста, имеет существенное влияние на перевод и обуславливает выбор средств передачи значений при переводе на литовский язык.
3. Главным признаком безличной конструкции является отсутствие подлежащего – конкретного производителя действия. В семантическом отношении безличные предложения обозначают: состояние природы, окружающей среды, стихийные явления; психическое или физическое состояние живого существа; чувственное восприятие, ощущение, долженствование, необходимость и другие модальные оттенки; команды, приказы, запреты; констатируют какой-либо факт. В русском языке дополнительно выделяются следующие семантические группы безличных предложений: явления, приписываемые судьбе, или действия нереальной силы; действия неизвестной силы посредством какого-либо орудия. В литовском языке выделяются безличные конструкции обозначающие наличие чего-то неопределенного и безличные конструкции указывающие на состояние, в которое субъект попадает случайно. Главный член безличной конструкции может быть выражен: безличным глаголом; личным глаголом в безличном значении; кратким страдательным причастием в форме среднего рода, отрицательным словом или конструкцией, выражающей отрицание; категорией состояния в русском языке и

средним родом прилагательных в литовском языке. Русские и литовские безличные конструкции имеют больше соответствий чем различий.

4. Сравнительно большая часть русских безличных конструкций передается литовскими полными (11%) и частичными (19%) эквивалентами, что свидетельствует о высоком качестве перевода, хорошем знании языков и талантливости переводчиков. Большинство русских безличных конструкций передается с помощью трансформаций, из которых замена составляет 31% всех примеров, перестановка 23%, пропуск 13%, добавление 1,5%, антонимический перевод 1,7 % и генерализация 0,9 %. Переводческие трансформации являются средством достижения эквивалентности.

Rezumė

Vertimas – tai tautų bendravimo būdas, leidžiantis keistis informacija, susipažinti su kitos šalies kultūra bei papročiais, plėsti akiratį bei siekti žinių. Viena iš vertimo sričių – poetinio teksto vertimas, dažnai sukelia sunkumų, stengiantis perteikti poetinio teksto prasmę, kompoziciją, autoriaus stilių bei poveikį skaitytojui.

Šiame darbe remiantis poetiniais tekstais nagrinėjamas rusiškų beasmenių konstrukcijų perteikimas lietuviškuose vertimuose. Beasmenės konstrukcijos apibrėžia veiksmą kaip vykstantį savaime, nepriklausantį nuo subjekto valios. Beasmenėmis konstrukcijomis dažnai nusakomi savaime vykstantys gamtos reiškiniai, tačiau labai dažnai jos naudojamos subjekto būsenai apibūdinti, nepriklausomiems nuo žmogaus valios, tarsi savaime vykstantiems jausmams ir pojūčiams nusakyti.

Išanalizavus mokslinę literatūrą, kurioje nagrinėjamos rusų ir lietuvių kalbų beasmenės konstrukcijos, pastebima daugiau panašumų nei skirtumų beasmenių konstrukcijų semantikoje bei pagrindinio nario reiškimo būduose. Vertėtų atkreipti dėmesį į tai, kad lietuvių mokslininkų darbuose neišskiriama būsenos kategorija, tačiau bevardė būdvardžių giminė lietuvių kalboje išreiškia veikėjo būseną. Poetinio teksto vertimo ypatumas tas, kad dažniau nei kitų tipų tekstuose, maksimaliu vertimo vienetu laikomas visas tekstas, tačiau žodis kaip minimalus vertimo (ypač poetiniame tekste) vienetas turi lemiamą įtaką tekstui. Verčiant rusiškas beasmenes konstrukcijas į lietuvių kalbą pavyko nemažą jų dalį perteikti pilnais (11%) ir daliniais (19%) ekvivalentais. Tačiau dauguma konstrukcijų išversta pasitelkus vertimo transformacijas: pakeitimą (31%), praleidimą (13%), perkėlimą (23%), pridėjimą (1,5%) bei leksines transformacijas: antoniminį vertimą (1,7 %) bei generalizaciją (0,9 %).

Nagrinėti vertimai suteikia galimybę palyginti originaliuosius rusų poezijos tekstus bei jų vertimus į lietuvių kalbą. Aprašytieji vertimo transformacijų atvejai menkai įtakoja turinio perteikimą ir iš esmės nekeičia poveikio skaitytojui.

Библиография

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – М., 2004.
2. Алимов В. В. Теория перевода. – М., 2005.
3. Бабайцева В. В. Синтаксис и пунктуация. – М., 1979.
4. Балясный Б. Перевод и интерпретация. Интернациональный подход.// *Žmogus ir žodis*. V. 2002 Nr. 3, с. 12-17.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М., 1975.
6. Валгина Н. С. Современный русский язык. – М., 1987.
7. Виноградов В. В. Русский язык. – М., 1986.
8. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М., 2004.
9. Гольцова Н. Г. Предложение без подлежащего. – М., 2004. <http://www.edusearch.ru>
10. Грамматика литовского языка (отв. ред. В. Амбразас) – В., 1985
11. Добрышева Л. Я. Закономерности употребления личного и безличного предложения с глагольными сказуемыми типа *хочу-хочется, верю-верится* (на материале произведений советских авторов). <http://student.km.ru>
12. Захарова М. В. Безличные предложения в культурологическом аспекте. – М., 2005 <http://www.russofile.ru>
13. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990.
14. Катфорд Дж. Лингвистическая теория перевода. – М., 2004.
15. Комиссаров В. Н. Теория перевода. – М., 1990.
16. Коницкая Е. М. Безличные и функционально-безличные глаголы со значением атмосферно-метеорологических явлений в литовском, словенском и русском языках. – *Kalbotyra* 53 (2), V., 2004, с.71-86.
17. Кузнецов А. Ю. Лирическое стихотворение и его перевод (о теории и практике сопоставительного лингвопоэтического исследования).//Теория и практика художественного перевода. – М., 2005.
18. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы его достижения). – М., 1981.
19. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке – М., 1982
20. Львовская З. Теоретические проблемы перевода. – М., 1985
21. Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. – В.,1972.
22. Мустейкене И. Современный русский литературный язык II. – Каунас, 1995.

23. Найда Ю. К науке переводить.// Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978 с. 114-137.
24. Попович А. Проблемы художественного перевода. – М., 1980.
25. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 2004.
26. Русская грамматика.Т.2. – М., 1982.
27. Семенов. А. Л. Основные положения общей теории перевода. – М., 2005.
28. Сидорова Е.Г. Проблема типологической классификации односоставных предложений в трудах старших языковедов и перспективы ее решения. www.reader.boom.ru
29. Слободник Д. Семантический простор в переводе поэзии.//Литература и перевод. – М., 1992, с. 335-344.
30. Сологуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода. – М., 2005.
31. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М., 2002.
32. Феськов К.В. Безличные предложения среди других типов простого предложения. <http://student.km.ru>
33. Ambrazas-Sasnava K. Verimo tyrinėjimais. – V., 1984.
34. Ambrazas-Sasnava K. Vertimo mokslas. – V., 1978.
35. Armalytė O., Pažūsis L. Verimo teorijos pagrindai. – V., 1990.
36. Balkevičius J. Predikatinių lietuvių kalbos konstrukcijų sintaksė. – V., 1998.
37. Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. (vyr. red. V. Ambrazas) – V., 2006.
38. Labutis V. Lietuvių kalbos sintaksė. – V., 2002.
39. Paulauskienė A. Gramatinės lietuvių kalbos veiksmažodžio kategorijos. – B., 1979 .
40. Sirtautas V. Grenda Č. Lietuvių kalbos sintaksė. – V., 1988.
41. Stankevičienė L. Anglų-lietuvių kalbų leksiniai pseudoekvivalentai: daktaro disertacijos santrauka. – Šiauliai, 2002.
42. Tekorienė D. Bevardės giminės būdvardžiai. – V., 1990.

Источники

1. Блок А. Избранное. – М., 1978.
2. Блок А. Собрание сочинений. Т2 – Л., 1980.
3. Блок А. Собрание сочинений. Т2 – Л., 1980.
4. Pasternakas B. Kai nusigiedrija./Пастернак Б. Когда разгуляется. – В., 1989.
5. Achmatova A. Erškėtis žydi./Ахматова А. Шиповник цветет. – V., 1994.
6. Blokas A. Lakštingalų sodas. – V., 1980.

7. Brodskij J. Poezija. /Бродский Й. Поэзия. – V., 2001.
8. Brodskis J. Vaizdas į jūrą./Бродский Й. Свидом на море. – V., 1999.

Словари

1. Dabartinis lietuvių kalbos žodynas (Vyr. red. S.Keinys). – V., 2000.
2. Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. - V., 2005.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1990.